

Концепция холодного психоза. Сравнительный анализ белого и холодного психозов

А. С. Благова

Благова Анна Сергеевна – магистр психологии (НИУ ВШЭ), психоаналитически ориентированный психолог.

Холодный психоз – концепция, созданная Ж. и Э. Кестемберг, относится к регистру небредовых психозов.

В настоящей статье будут представлены и осмыслены характеристики холодного психоза, которые на протяжении 20 лет разрабатывались Э. Кестемберг.

Также будет предпринята попытка осуществить сравнительный анализ концепций белого и холодного психоза на основании работ «La psychose froide» Э. Кестемберг и «L'Enfant de ça. Psychanalyse d'un entretien: la psychose blanche» А. Грина и Ж.-Л. Донне.

Ключевые слова: холодный психоз, амбисексуальность, самость, фетишистское отношение к объекту, фобия психического функционирования, небредовый психоз.

Основная работа Э. Кестемберг по созданию и обоснованию концепции холодных психозов представлена в книге *La psychose froide*, «Холодный психоз», изданной в 2001 году, и представляет собой сборник статей за период с 1957 года по 1986 год. Стоит отметить, что еще в работе 1972 года совместно с Ж. Кестембергом и С. Декобер «*La faim et le corps*», в рамках изучения психической анорексии, уже была выведена концепция холодного психоза.

Самость

В основе описания психического аппарата лежат понятия самости (*le soi*), которое Кестемберг заимствует у Э. Якобсон (*Vermorel H. et M.*, 2003), и судьбы аутоэротизма (*Kestemberg*, 1981).

Субъект возникает и организуется из первоначального единства матери и ребенка, в дальнейшем он может конституировать себя из этой диады как субъекта, мать которого является объектом. Способы материнского инвестирования пробуждают и модулируют психику ребенка в начале его жизни.

Принцип удовольствия находит свое выражение в галлюцинаторном удовлетворении, которое, по мнению Кестемберг, является первичным маркером функционирования психики в том, что будет ее наполнять, какова будет эта наполненность, а именно способность фантазировать, мечтать, думать об утраченном и вновь обретенном удовольствии (*Kestemberg*, 1981).

Самость в понимании Кестемберг – это первая организованная конфигурация психического аппарата, которая исходит из единства матери и ребенка. Она представляет то, что на уровне диады «мать – ребенок» принадлежит собственно субъекту до того, как внутренний объект будет дифференцированно организован.

Аутоэротизм младенца, галлюцинаторная реализация желания порождают особые и специфические аффекты, тональность и цвет которых нельзя спутать с теми, которые берут свои источники в отношениях с объектом и которые не идентичны тем, что исходят от объекта.

Самость по Э. Кестемберг представляет собой первую организованную конфигурацию психического аппарата, исходящую из единства матери и ребенка, в которой ребенок может разрядиться, выразить возбуждение, успокаивая это возбуждение самостоятельно, в отсутствие или в присутствии матери. Она представляет то, что на уровне диады «мать – ребенок» принадлежит собственно субъекту до того, как внутренний объект будет дифференцированно организован. Другими словами, она сама по себе является щитом против возбуждения, принимая на себя эту материнскую функцию (*Kestemberg*, 1981, p. 189). Самость – аутоэротическая организация, которая содержит объект, но у которого еще нет самостоятельной репрезентации и он не воспринимается как нечто отдельное, организация, вокруг которой организуется психический аппарат, зарождается аутоэротизм и способность к галлюцинаторному удовлетворению. Самость представляет собой нарциссическую непрерывность субъекта.

Одним из продуктов самости является удовольствие от собственного функционирования, первичным выражением которого можно считать галлюцинаторное удовлетворение и формирование Идеала Я (от фр. *L'Idéal du Moi*).

В статье 1914 года «К введению в нарциссизм» З. Фрейд писал: «Идеалу Я досталась та любовь к себе, которой в детстве пользовалось действительное Я. Нарциссизм оказывается перенесенным на это новое идеальное

Я, которое, подобно инфантильному, обладает всеми ценными совершенствами» (Фрейд, 2006).

Самость – некое связующее звено и прообраз различения Я по отношению к другому – до того, как этот другой оформится во внутренний объект. Позже сложная работа инфантильной сексуальности приводит к дифференциации, обогащению этого внутреннего объекта сначала дифференцированными хорошими и плохими имаго, а затем материнскими и отцовскими.

Но внутренний объект всегда сохраняет в себе амбисексуальные (термин Э. Кестемберг, который будет раскрыт в дальнейшей работе) характеристики того, что было его первым воплощением – архаичная, неизменная мать, не подверженная кастрации, присущей дифференциации полов, власть которой ничем не ограничена.

Эта самость никоим образом не может быть отождествлена с Я, которое остается организующей инстанцией, самость, находясь внутри Я, является, по словам Э. Кестемберг, его внутренним субъектом.

Начиная с самости, субъект изгоняет объект из самого себя, но сначала это объект, не отличающийся от него самого, и лишь в его отсутствие или в иные моменты неудовольствия субъект может ощущать свое отдельное существование.

Психические организации

Кестемберг выделяет организации с невротическим преобладанием и бредовые психозы, которые она объединяет по критерию аллоэротичности, то есть обращенности инвестиций вовне, и небредовые психозы, которые относятся к аутоэротическому регистру, то есть при обращенности инвестиций вовнутрь.

При бредовых психозах самость сверхинвестируется, болезненное величие соседствует с уязвимостью, из-за чего такой субъект будет чувствовать серьезную угрозу в обменах с объектом, который в случаях бредовых психозов вторгается в Я и стирает его: здесь тень объекта вторглась в Я (Kestemberg, 1981, p. 192). Парализованная чрезмерным инвестированием самость не может служить щитом от возбуждения, тем самым источник внутреннего чувства непрерывности нарушен, внешний объект является не более чем проекцией смешанных внутреннего объекта и самости, первичные процессы занимают место восприятий, сознательное заменяется бессознательным.

При холодном психозе, психозе без бреда, в самости объект подвергается особенно сильному, чрезмерному инвестированию, и удовольствие, исходящее от него, преобладает и почти полностью стирает удовольствие от обменов, или, как это называет Э. Кестемберг, «торговли» с объектом, грандиозность остается полностью зависимой от Идеала Я. Гипертрофированная самость, больная своим величием, начинает разрушать Я в результате бешеной работы по расщеплению с инфантильным неврозом и отрицания инфантильной сексуальности. Я, истощенное возбуждением, присущим этому уникальному функционированию,

лишенное либидинального источника (освежающего) отброшенного объекта, в конечном итоге опирается на один или несколько внешних объектов, не распознаваемых в их инаковости; они просто служат опорой в игнорируемом дублировании субъекта, гарантами внутренней его непрерывности, видимого свидетеля их самости.

Кроме того, у этого объекта (если случается, что привилегированный человек становится его воплощением) есть черты, которые также являются характеристиками Идеала Я. Поскольку в рамках самости еще нет разделения на субъект и объект, то можно сказать, что инвестиции в объект являются инвестициями в ощущение грандиозности, в Идеал Я как наследника самости. Как писала Кестемберг, «тень Идеала Я вторгается в Я» (*Kestemberg, 1981*).

Холодный психоз, узор характеристик

Э. Кестемберг говорит о холодном психозе как о своеобразном защитном приспособлении, проявляющемся в сознательной фантазмагии, направленной на то, чтобы подавить любой конфликт влечений и предложить «гедонизм убеждения», близкий к бреду, который, однако, остается в порядке желания.

«Холодный психоз» получил свое название, как мы думаем, вследствие придания объекту качества неодушевленности посредством его фетишизации. Инвестиции во внешний объект, в фетишистский объект, носят нарциссический характер, тем самым происходит некое обездвиживание инвестиций, закрывая субъект все больше внутри, замыкая на самом себе, стирая следы существования объекта.

Основные характеристики холодного психоза:

- амбисексуальность;
- фетишистское отношение к объекту;
- фобия психического функционирования.

1. Амбисексуальность

Понятие «амбисексуальность» (*Kestemberg, 1975*) отличается от бисексуальности как результата эволютивных и структурирующих идентификаций с различными имаго каждого из родителей.

Архаичное имаго матери представляет собой образ тотальной целостности, гарантирующий мегаломанические нарциссические желания, и обладает защитной функцией – контринвестированием эдипальной ситуации и инфантильной сексуальности.

Исследование психических организаций, которые именуются «холодными психозами», привело Кестемберг к тому, что в дискурсе таких субъектов упоминается так или иначе бисексуальность, которая в определенной мере отрицает разделение полов и допускает существование двухполых индивидов. Это можно назвать ограниченным, инкапсулированным бредом, который касается их тела и, вероятно, освобождает целый сектор функционирования Я за счет частых контринвестиций, которые

приближают одних к неврозам характера, других – к первертным организациям, в то время как некоторые из них даже проявляют целый поток симптомов, казалось бы, невротического характера.

Иллюстрация понятия «амбисексуальность»

Фредерик, 30 лет, пришел в анализ из-за чувства рассеянного дискомфорта, заторможенности, подавленности и невозможности выстроить постоянные отношения со всеми, особенно с женщинами. Также он жаловался на абулию и моменты сильных эмоций, лишенных идейного содержания, проявляющихся в основном на уровне тела: пот, покраснение лица. После трех лет аналитической работы, которая, казалось, не принесла результата, ему была предложена психодрама, сопровождающаяся работой с аналитиком один раз в неделю.

Несмотря на то что инвестиций отца и матери будто бы не хватало, его инвестиции в ко-терапевтов были весьма значительны, казалось, он организовал отцовский и материнский переносы, что могло бы подвести к эдипальной ситуации, но его инвестиции были максимально в актуальной реальности, связи же между событиями прошлого и настоящего им не устанавливались, в связи с чем можно заподозрить скорее защитную роль таких инвестиций, так как его отношения с аналитиком оставались нетронутыми, неподвижными (*Kestenberg, 1975, p. 69*).

На одном из сеансов психодрамы Фредерик вспоминает, что как-то в детстве он заглянул под юбку няни и увидел, что у нее есть пенис, но при этом она женщина. Он прекрасно знает, что это странно, что женщины так не устроены, мужчины тоже, но няня была такой, и он это знает – ничто и никто не заставит его усомниться в том, что он видел. Во втором воспоминании, которое возникло спонтанно по ассоциации, однажды няня, полагая, что он болен, измерила ему температуру и «попала не в ту дырку» – точно так же, как у няни был пенис, у него было две «дырки».

Его фантазии, что у него и его няни недифференцированный пол, они имеют оба пола, переживаются им как реальность, и благодаря такой фантазии тревога кастрации полностью вытеснена. Но несмотря на это, он различает отца и мать, и им не принадлежат оба пола сразу, видимо, именно благодаря фантазии о няне и происходит безопасное разделение отца и матери. Организация этого бредового включения, состоящего из отрицаний, в психическом функционировании Фредерика позволяет ему сэкономить на открытом и горячем психозе и обеспечивает ему видимость удовлетворительного психического функционирования.

Его психоаналитик, который также является ведущим психодрамы, представляет собой вечную бисексуальную няню Фредерика, обеспечивая нарциссическую целостность Фредерика, при условии, что он оставался инертным и нетронутым, и именно в этом они оба, последовательно во времени, выполняют функцию фетиша и гаранта его нарциссизма.

Таким образом, внутри его психики инкапсулирован бред, благодаря которому возбуждение и напряжение влечений поддерживаются на

приемлемом уровне, разве что, крайне редко, проявляясь в виде телесных реакций. Также это позволяет ему как в жизни, так и в психодраме разыгрывать эдипальные сцены, без истинных идентификаций, без вины и стыда, поскольку это не относится к его реальности.

Метапсихологическое обоснование амбисексуальности

Эвелин Кестемберг говорит о расщеплении Я на два уровня функционирования, при повсеместном распространении бисексуального имаго-фетиша:

- уровень неинвестирования дифференцированных имаго, глубинный уровень базового функционирования;
- уровень видимой генитальной эволюции и психического функционирования на поверхностном уровне.

В организациях холодного психоза архаическое бисексуальное имаго может приобретать экономическое и либидинальное значение фиксации, что приводит к регрессионному процессу, который блокирует идентификационную игру и процессы интроекции – в то же время приобретая стабильную и умерщвляющую контринвестиционную ценность, что приводит к тому, что такой субъект действительно ничем не интересуется и чувствует, как жизнь проходит мимо. Это можно было бы назвать определенным видом депрессии с точки зрения подавленности и застоя движений влечений.

2. Концепция фетишистского отношения к объекту

Статья Кестемберг о фетишистском отношении к объекту уже была переведена ранее на русский язык, поэтому ограничимся лишь краткими замечаниями, необходимыми для изучения концепции холодного психоза.

В статье в качестве иллюстрации понятия фетишистского отношения к объекту представлена виньетка пациента Франсуа. Когда ему было 13 лет, его родители отправились в путешествие, в этот же период его отвели к портному, и в новой одежде, смотря в зеркало, он не узнал себя, а служащий ателье отметил, что он не похож на себя. По его собственному выражению, тогда он заново родился, у него больше нет воспоминаний о детстве, а все воспоминания начинаются лишь с истории с портным. Даже сам факт того, что он жил до 13 лет, вызывает у него сомнения.

Первые полтора года анализа история с портным повторялась в неизменном виде, ему не надоедало возвращаться к ней из раза в раз. Также, говоря о себе, он вводил понятие «абсолютное тело». Эта формулировка отсылает нас к понятию амбисексуальности.

Присутствие аналитика и его редкие интерпретации были невыносимы для Франсуа, последние он заваливал своими рассуждениями и потоком речи. Но происходит событие, которое запускает новые процессы: Франсуа встречается аналитика в метро и вне кабинета, где аналитант и аналитик лишены, в его фантазиях, обоюдной телесности, он вдруг обнаруживает, что аналитик все же обладает ею и существует в реальности,

что олицетворяет собой прорыв внутреннего объекта в реальность. Это потрясает его. Он хочет прекратить анализ.

Сцена с портным является как фантазмом самопорождения – появилась на свет в результате истории с портным, – так и фантазмом о бессмертии: раз он не рожден, то и не умрет. Безусловно, тут имеет место и мегаломанический аспект, но, как указывает автор, для Франсуа это не глубокое убеждение в реальности сцены с портным, а скорее воображаемая возможность, у которой была очень важная экономическая функция, защитная: все конфликты удерживались в вытесненном состоянии, к тому же она приносила ему удовольствие. Благодаря ей были сохранены аспекты его невротического функционирования: интенсивная, но непоглощающая тревога, неловкость от отсутствия отношений с родственниками и сверстниками, страх перед гомосексуальностью – все это может наводить на мысли о возвращении вытесненного, сама сцена с портным как некий аналог семейного романа несет невротические черты. Ее неизменность позволила ему больше не чувствовать себя совершенно потерянным, одиноким, в зеркале.

Он приходит к другому, чтобы получить помощь, но постепенно другого он наделяет качествами сцены с портным: аналитик становится обезличенным, неизменным, эти качества и непрерывная регулярность сеансов – все это делает аналитика гарантом, носителем и свидетелем его нарциссической непрерывности. Аналитик фетишизируется, что позволяет сохранять дистанцию с внутренним объектом и пользоваться им.

Отличие такого отношения к объекту от перверсии, по мнению Кестемберг, заключается в том, что помимо навязчивого повторения на сеансах и воспроизведения в мыслях этой сцены он также обеспокоен и нуждается в отношениях с другими, его тревога и заявления, что он не хочет редуцировать себя до нормы, указывают на то, что его организация психики более сложна, она более психотическая, нежели первертная.

Такая конфигурация может навести нас на мысли о бреде, но Кестемберг указывает, что Франсуа не был вовлечен в эти переживания в такой степени, чтобы его восприятие реальности менялось вне рамок кадра, его фантазии не создавали новую реальность вместо той невыносимой, которая была полностью вытеснена, а его интенсивная тревога, абстрактная речь, наполненная неологизмами, все же не дают оснований предполагать глубокую дезорганизацию.

Фетишистские объектные отношения довольно схожи с проективной идентификацией, за исключением превращения объекта в предмет неодушевленный, его увековечивания.

Метапсихологическое обоснование фетишистских объектных отношений

По мнению Кестемберг, фетишистское отношение к объекту представляет собой один из продуктов самости и вносит вклад в организацию Идеала Я. Субъект как бы выталкивает объект изнутри во внешний мир, объект, ощущаемый как часть самого себя, так как не сформирована

граница. Объект-фетиш представляет собой во внешнем мире как бы удвоение субъекта, но не зеркальное, а застывшее, бессмертное, бестелесное. Задача этого удвоения для субъекта – не отразиться в нем и не разглядеть себя в нем, а проверять и убеждаться в своем существовании. Таким образом фетиш наделяется мегаломаническими проекциями субъекта и бессмертием.

Отношения с фетишистским объектом могут быть единственными отношениями, на которые способна психика человека с холодным психозом, поскольку такой объект репрезентирует его, что представляет собой тупик психотического функционирования и, предположительно, имеет экономическую функцию – экономия на бредообразовании, что позволяет избежать дезорганизации.

Примечательно, что такие отношения можно обнаружить не только у психотиков, все так или иначе прибегают к талисману, некоему атрибуту, который наделяется определенными качествами.

Следовательно, можно предположить, что в феномене объектных отношений есть отголоски этих ранних модальностей, которые были созданы еще в рамках первичного аутоэротизма, когда объект был частью субъекта, которым можно манипулировать, отторгать во внешний мир и тем самым делать его хранителем нарциссизма, непрерывности. Тут можно уловить след материнского образа достаточно хорошей матери, которая, не имея четкого образа, остается внутри, несмотря ни на ненависть, ни на любовь. Такие отношения – аутоэротические и одновременно объектные, с внутренним объектом, который спроецирован вовне, – представляют собой некую точку фиксации в глубинах психики, к которой можно возвращаться при временной или рано стабилизировавшейся регрессии.

Ввиду того что внутренний объект репрезентирует не имаго, а некую его тень, а также неразрывно связан с субъектом, то инвестиции во внешний объект, в фетишистский объект, носят нарциссический характер, тем самым происходит некое обездвиживание инвестиций, закрывая субъекта все больше внутри, замыкая на самом себе, стирая следы существования объекта.

Изменения в анализе Франсуа смогли произойти благодаря кажущейся неизменности, которая смогла гарантировать нарциссическое постоянство, что и осуществлял аналитик Франсуа, смирившись с такой формой отношений.

Такой тип организации, как у Франсуа, типичен для холодного психоза: защиты, представлены отрицанием и расщеплением Я, отсутствует перестройка на бредовое решение проблем; благодаря истории с портным можно избежать конфликта с родительскими имаго, отщепив инфантильную сексуальность, избежать тревоги кастрации, увернуться от эдипального созвездия и дальнейшей конфликтуализации инфантильной сексуальности. Использование фиксированных фантазий, переплетение в одном объекте одушевленного и неодушевленного, вкрапление элементов первертной организации, ощущение нарциссической недостаточности и прерывной непрерывности создает уникальный узор симптомокомпл

3. Фобия психического функционирования

Фобия психического функционирования (*Kestemberg, 1986*) – это неспособность получать удовольствие от функционирования, которое проявляется у некоторых пациентов, либо лишение их собственного мышления, которое, будучи выведенным наружу, находит решение в бреде и одержимости другим, либо массивное торможение, вплоть до смещения мышления на другого, что подкрепляет представление о возбуждающем значении психической деятельности.

Тревога особой модальности, вызываемая у субъекта его собственной психической продукцией, которая, хотя, конечно, связана с его фобией объекта, не может быть полностью редуцирована или спутана с ней. Эта тревога может быть почти явной и осознанной у некоторых или же полностью неосознаваемой и, кроме того, присутствует в той или иной степени у всех.

Кестемберг отмечает, что аутоэротический аспект фобии мышления приводит к отрицанию субъектом своей собственной продукции, вплоть до ее иссушения или отнесения к другому, отражает как ресексуализацию мышления, так и сверхинвестирование в себя, которые приводят, благодаря странному смещению, к истинной перверсии удовольствия от функционирования, психическое мышление или функционирование здесь воспринимаются непосредственно как мастурбация, отсюда необходимость скрывать это от других или даже скрывать от себя, а также присутствует чувство стыда. Путем развертывания в ментальной психической продукции того, что на самом деле относится к инвестиции объекта и собственного тела, субъект закрывает дверь в, можно сказать, ослабленное удовольствие, удовольствие от функционирования, которое не несет в себе разрушительной опасности собственно объектного или непосредственно телесного либидинального удовольствия. Удовольствие от функционирования здесь провалилось в качестве контринвестиционной функции.

Подобная фобия приводит к дисквалификации всей детской сексуальности. При работе с пациентами, которых можно отнести к организации холодного психоза, наличие такой фобии в детстве довольно часто сообщается в виньетках, представленных в книге. С другой стороны, фобия психического функционирования очень часто находится на заднем плане – она проявляется в страхе сновидений или заявленном отсутствии сновидений или же в некоторых заявляемых пациентом «я ничего не могу вспомнить».

Помимо фобии психического функционирования стоит также обратить внимание на негативные процессы, о которых Э. Кестемберг (*Kestemberg, 1981*) писала в рамках изучения холодных психозов. По ее мнению, как для отнекивания, так и для отрицания реализуется негативный процесс, иногда плодотворный, поскольку он позволяет возвращать вытесненное и выполнять предсознательную работу (отнекивание), но иногда и иссушающий, истощающий или даже разрушающий (отрицание), поскольку он отключает часть психического аппарата. Сам этот процесс будет предметом особой эротизации, хотя и защитной, но в конечном

итоге разрушительной, отрицание по большей части относится к психотическим или первертным организациям, а при холодных психозах также тонка грань между использованием двух этих защитных механизмов.

4. Перенос, контрперенос и технические рекомендации

В случае Франсуа Кестемберг делает акцент на инвестициях в аналитика, в случае Фредерика – в ведущего и ко-терапевтов психодрамы, но эти инвестиции будто носят скорее защитный характер, они не связаны с переносом имаго, родительских фигур. Кестемберг писала: «Любые инвестиции, какими бы горячими или незначительными они ни были, не обязательно связаны с переносом» (*Kestemberg, 1983*).

В подобных отношениях субъект не является носителем идентификаций, развивающихся на основе дифференцированного и сексуализированного имаго, речь идет о едином, сексуально недифференцированном архаичном имаго, включенном в какой-то степени в нарциссические инвестиции пациента, слабо отделенные от него самого, то есть – имаго, недостаточно организованном в качестве объекта.

Другими словами, это означает, что аналитик и как личность, у которой есть пол, и как субъект инвестируется в этих отношениях как плохо дифференцированное архаичное имаго матери.

В своей статье о контрпереносе при работе с психотическими пациентами (*Kestemberg, 1983*). Э. Кестемберг выделяет несколько аспектов, актуальных при работе с пациентами с небредовым психозом.

Дисимметрия аналитической ситуации выражается в отношениях между аналитиком (который функционирует в терминах контрпереноса и учитывает, что ситуация связана с конфликтами и имаго) и пациентом, который функционирует в терминах инвестиций – возбуждения – тревоги. У таких пациентов мы имеем дело скорее с экстраординарными, массивными инвестициями, где преобладает не столько игра воображения, которая дифференцирована или не дифференцирована в тот или иной момент лечения и, во всяком случае, не в самом начале, сколько прежде всего приток неконтролируемых или плохо контролируемых возбуждений, которые сопровождают или провоцируют или являются лишь обратной стороной тревоги, по своей интенсивности полностью аналогичной самой силе этого возбуждения. Эти огромные инвестиции делают объекта – аналитика – опасным объектом. Более того, любой объект или любая торговля с объектом представляют для психотических пациентов, независимо от способа их организации, непосредственную опасность, которую они должны или охватить, или обойти.

Термин «торговля», более подходящий для этого конкретного способа отношений, объединяющего аналитика и пациента, появился под пером Кестемберг в 80-х годах прошлого века и подразумевает под своей торговой коннотацией идею владения, отчуждения, обмена.

Контрперенос, желательный при лечении психотических больных, по мнению Кестемберг, – это возможность постоянного сопровождения движений пациента на том уровне, на котором он находится, при

одновременном понимании разнообразия этих уровней, поскольку это движение не однонаправленное и никогда не линейное. Буйство содержания или массивное торможение, неустойчивость настроения или, наоборот, ледяная и пугающая неподвижность вселяются в аналитика или вызывают у него возбуждение и тревогу. Кроме того, он может избавиться от этого вложения в него только с помощью своих собственных ассоциативных способностей, но часто эта способность парализуется таким психотическим содержанием или интенсивностью инвестиций, нацеленных на него, поэтому его подлинные контрпереносные возможности, то есть его возможности воссоздать конфликты и работать над этими конфликтами в ответ на конфликты пациента, оказываются ошеломленными.

Таким образом, возникает самая важная и наиболее стерилизующая дисимметрия: аналитик будет реагировать не с точки зрения контрпереноса, а с точки зрения контротношения (*Kestemberg, 1983*). При классическом лечении перенос вызывает в аналитике воспоминания, переживания собственных конфликтов и имаго и пробуждает способности распознавать эти оживления и распознавать то, что принадлежит пациенту в этом оживлении, и то, что исходит от аналитика. В случае такого контрпереноса аналитик реагирует на эти инвестиции, свою тревогу и свое возбуждение менее адаптивными защитами, например, на манию величия пациента может пойти контротношение мании величия терапевта: гиперопека пациента, чрезмерное материнское отношение, стремление стать лучшей матерью для пациента.

Все происходит так, что эти чувства в аналитике толкают его к стремлению понять их и объяснить, захватить это переживание, приручить, то есть осуществляется движение самозащиты. Именно тогда вместо того, чтобы прислушиваться к темпу, ритму, истинности того, что говорят ассоциации пациента, или по крайней мере к его речи или даже к его невербальным проявлениям, аналитик будет вкладывать в него то, что он чувствует, или чаще всего то, что «он знает» из теории, чтобы уменьшить эту тревогу, свое беспокойство и овладеть ситуацией.

То, что всегда происходит с психотическим пациентом, будь то бредовый или небредовый психоз, как отмечает Кестемберг, – это невозможность выхода из парадокса или дилеммы, которые в нем накладываются друг на друга почти многослойно: ужас зависимости от объекта и интимная, глубокая потребность в этой зависимости. Иногда он может прибегнуть к процессу, напоминающему процесс фобии, а именно бегству вперед, но совершенно особенному бегству вперед, например, предлагая все более сырой, все более очевидный материал эдипального уровня, в то время как Эдип остается для него совершенно невыносимым, не подлежащим обсуждению. Явное содержание – это то, что было бы латентным в невротической организации, истинное скрытое содержание, скрытое этим откровенным дискурсом, остается в этот момент неизвестным.

Кестемберг задается вопросом: как мы можем сделать себя объектом, терпимым во внутренней вселенной пациента, если само существование объекта представляет максимальную опасность для его нарциссизма? Объект, который мы представляем, не может быть точно очерчен

в терминах дифференцированных имаго, но может в терминах объекта, который витален и необходим для конструирования Я пациента, но также и опасен вторжением в него, подвергая опасности самость. Тогда стоит прибегнуть к своего рода материнскому сопровождению, приручению, когда мы позволили бы тому, что происходит в пациенте, расцвести, ни в коем случае не «перетягивая одеяло на себя» или добавляя что-то свое. Такой этап, по мнению Кестемберг, позволяет установить переносное отношение, в котором могут появляться образы, зарождающиеся имаго, и благодаря такому этапу, в счастливых случаях, можно войти в истинный переносный процесс с пациентом.

При работе с пациентами с холодным психозом мы также сталкиваемся с их ужасным одиночеством, их не слышат или не слушают, что может относиться и к аналитикам, которые могут слушать их, исходя из собственных координат, для пациентов же очень важно быть услышанными такими, какие они есть, чтобы их признали со всеми их особенностями, с тем, какие они сейчас, и их прошлым. Из-за движений влечений пациент ощущает себя как сбитый с ног, захваченный влечениями, не связанными, противоречащими друг другу, которые затапливают, не позволяют установить равновесие, пациенты становятся некой игрушкой этих влечений, их то охватывает ненависть, то истинная любовь, они чувствуют себя то брошенными, то необходимыми, и все эти чувства и переживания никоим образом не связываются воедино, не устанавливают непрерывности.

Наша задача осмыслить все эти движения влечений, но не придавать им собственный смысл, невротический. Контрперенос, или, точнее, понимание аналитиком контрпереносных движений, контроль над своим собственным функционированием заключается в том, чтобы предоставить себя психотическому пациенту в терминах объекта, который может его сопровождать в любой момент, здесь и сейчас; это может быть сделано с точки зрения фетиша, то есть став гарантом нарциссической непрерывности пациента, неизменности, бессмертия; или с точки зрения сосуда, который не разрушается движениями влечений пациента, это также может быть отказ внедряться и наступать, оживлять речь в случае торможений пациента.

При работе с пациентами с холодным психозом в первую очередь речь идет о необходимости поддержания непрерывности в рамках разрыва, отсюда жесткие требования и ограничения, с которыми мы сталкиваемся в нашей работе с пациентами с различными психозами.

Непрерывность субъекта неизбежно зависит от его отношений с объектом, и поэтому именно его способности к установлению связи должны учитываться. Задачей аналитика будет осуществление терапии, направленной на обеспечение этих отношений. Таким образом через какое-то время можно надеяться, что пациент сможет самостоятельно осознать свое собственное функционирование. Достаточно сказать, что здесь имеются в виду способности к интернализации и организации внутреннего объекта, первичная и вторичная идентификация и способность к установлению переноса, т. е. способность повторять, смещать на аналитика

проекции и интроекции качеств внутреннего объекта, а не просто проецировать на аналитика дериваты влечений.

Кестемберг делает акцент на состоянии психической экономики таких пациентов, учитывая непрерывность или прерывистость этой экономики с инфантильной сексуальностью, связь с инфантильным неврозом. Эта оценка также позволяет измерить влияние объектных связей на чувство прерывности или, наоборот, внутренней согласованности субъекта, или, другими словами, на текущий баланс и качество его нарциссических или аутоэротических инвестиций.

Размышляя об отношениях аналитик – пациент, она отмечает, что в такой встрече всегда речь идет, и, возможно, в первую очередь, о двух нарциссизмах, конфронтирующих друг с другом: о нарциссизме аналитика и пациента, каждый из которых подвергается опасности со стороны другого (Kestemberg, 1983).

Кестемберг указывает, что при встрече с пациентом, для понимания его функционирования и экономики и определения перспектив лечения, стоит обращать внимание на наличие и устойчивую тяжесть психических конфликтов, которые он проявляет: речь идет об оценке существования сохраненных или реорганизованных невротических способностей, предназначенных для решения возникающих проблем инфантильной сексуальности, и возможной конфронтации с эдипальной ситуацией и дифференцированными имаго. Другими словами, следует также изучить сохраняющуюся возможность проработки на уровне предсознательного, которое позволит преобразовывать первичные процессы во вторичные и тем самым обеспечить терпимое сосуществование с внутренним объектом.

Особенно интересным следствием фетишистских объектных отношений является латерализация переноса, которая здесь не является сопротивлением переносу, а, напротив, является необходимым шагом для возобновления движений влечений и конфликтуализации. Инвестирование персонажей из окружения или пережитых событий, функционирующих как сторонний объект, позволяет аналитику держаться на приемлемом расстоянии для пациента, что позволяет избежать катастрофы депрессии, с которой пациент не в состоянии справиться, если разрушится идеализация, объектом которой может быть аналитик.

В теоретизировании своей практики в Центре психоанализа и психотерапии 13-го округа Эвелин Кестемберг показывает, как не только учреждение, но и сама ее личность, играющая роль третьего лица между аналитиком и пациентом, помогают психотическим пациентам обеспечить необходимую преемственность в разрыве, от которого они страдают.

Настойчивость Эвелин Кестемберг в отношении здесь и сейчас – нынешнего, настоящего состояния этих пациентов, оторванных от своего прошлого, – имеет решающее значение, равно как и необходимость принятия и уважения их образа жизни. Вместо того чтобы давать интерпретацию, следует слушать и следовать темпу, ритму, истине того, что говорят ассоциации пациента.

Таким образом, речь идет о том, чтобы понять, как благодаря нынешним огромным, неисторическим в смысле переноса, инвестициям, тревоге,

лежащей в их основе, и страданиям, которые их сопровождают, можно было бы организовать отношения, которые сначала были бы терпимыми, а затем полезными, с другим человеком, который не утратил бы своей инаковости. Тот другой, который изначально является по сути местом проекции этого возбуждения (а не родительскими фигурами или имаго), тем самым является источником обновления этого возбуждения, его модернизации.

Стоит пытаться найти путь, при котором другой, аналитик, мог бы стать интернализуемым барьером возбуждения для пациента, чтобы аналитик и пациент могли бы конституироваться в субъект и объект и построить, сплести вместе историю, которая в конечном итоге позволила бы пациенту восстановить свою собственную субъективную историю.

Сравнение концепций белого и холодного психозов

В другой статье я уже писала о концепции белого психоза, сейчас же мне бы хотелось отграничить белый и холодный психозы по следующим критериям.

1. Название: оба вида психоза представляют собой особую конфигурацию психического аппарата, в которой сама структура отсылает нас к психотическому уровню, но без тех симптомокомплексов, которые позволили бы говорить о ней как о психотической.

Белый психоз похож на экран, на который проецируется сновидение или фильм, или на лист бумаги, на котором что-то должно или может быть написано. Исходя из названий, мы делаем вывод, что для концепции белого психоза характерен акцент на белизне как отсутствии, клинике негатива. Белизна, пустоты – необходимый элемент для организации психического, но в случае белого психоза они разрывают связи, стирают репрезентации.

Название же холодного психоза берет свое начало в температурной характеристике объектных отношений: вследствие фетишизации объекта отношения с ним приобретают ту морозность, благодаря которой объект остается безопасным и имеющим витальную ценность.

2. Эдипальная конфигурация, первосцена: в рамках эдипальных отношений и первосцены в обеих концепциях мы не имеем дело с классическим Эдипом, в котором гендерное различие структурирует отношения вокруг проблемы кастрации, связанной с проблемой идентификации.

В случае белого психоза авторы говорят о трибиангуляции, триангуляции, в которой третий – всегда лишь перевернутый двойник объекта, где нет места дифференциации по признаку пола, но только по признаку качества объекта – хороший и плохой, причем хороший и плохой объекты представляют собой один расщепленный объект, хорошую и плохую части которого нужно держать как можно дальше друг от друга, за счет стирания связей, репрезентаций, паралича мышления. Из-за необходимости удерживать плохой и хороший объекты на расстоянии они обречены никогда не встретиться, из-за чего субъект не сможет родиться психически,

не сможет установить истинную разницу поколений, признать себя ребенком своих родителей.

В случае холодного психоза Э. Кестемберг говорит о том, что понимание различия полов присутствует в таких структурах, родители делятся по гендерному признаку, но наличие амбисексуальности как фантазма архаической матери предполагает контринвестирование эдипальной ситуации, за счет чего мы сталкиваемся с двумя уровнями функционирования Я, на одном из которых имеет место адаптированность к генитальной эволюции, на другом же – отрицание кастрации и разрыв с инфантильной сексуальностью. Мы можем предполагать, исходя из амбисексуальности, фантазм партеногенеза архаичной матери.

3. Мышление: что касается мышления, то авторы обеих концепций отмечают фундаментальную важность мышления при формировании небредовых психозов.

В случае белого психоза акцент ставится на чрезмерном присутствии плохого объекта и нехватке хорошего, вследствие чего объекты не могут быть помыслены, не могут быть созданы их многоуровневые, амбивалентные репрезентации. Паралич мышления и функции репрезентаций являются фундаментом структуры белого психоза.

В случае холодного психоза Кестемберг уделяет меньше внимания фобии мышления и психического функционирования, связанной с фобией объекта, которая представляет собой континуум от явного до полностью неосознаваемого характера. В случае психотического развития незаинтересованность в психической продукции проявляется в проекции мыслительной активности, в случае холодного психоза мы говорим о невозможности самости и Идеала Я получать удовольствие от собственного функционирования, следствием такой фобии является разрыв с инфантильной сексуальностью, что ведет к прерывистому ощущению нарциссической непрерывности.

4. Внутренние объекты: в рамках организации внутренних объектов и объектных отношений в обоих случаях мы имеем дело с провалом функции репрезентаций, внутренний объект представляет собой скорее набросок.

В случае белого психоза плохой объект в своем преследовании и агрессии заполняет внутреннее пространство, не давая помыслить ни о нем, ни о хорошем объекте, но, с другой стороны, его наличие представляет собой некую уловку психики, потому что при его отсутствии субъект столкнется с пустотой, безобъектным психическим пространством, что, как мы можем предполагать, предоставит влечению смерти полную власть над влечением жизни. Примечательно, что, несмотря на эту ошеломляющую пустоту психического мира при белом психозе, такие люди способны взаимодействовать с объектами, выстраивать отношения, и, мы можем предполагать, в случае если никакое травматическое событие не сделает «запись» на этом белом листе, они могут вполне адаптивно проживать свою жизнь, благодаря контринвестиционной функции интеллекта. В случае холодного психоза Кестемберг отмечает, что психика субъекта как бы выводится частично вовне, как это бывает при эктопии сердца,

когда то, что должно быть внутри, вследствие аномалий развития выносятся вовне. Сложности в формировании внутреннего объекта не позволили субъекту укоренить внутри себя чувство своей витальности, непрерывности, вследствие чего он ищет этот внутренний объект вовне, инвестиции во внешний объект, в фетишистский объект носят нарциссический характер, что заставляет либидо двигаться по кругу, в дискурсе пациента может иметь место путаница между внешней и внутренней реальностью, между субъектом и объектом. Объекты в такой самости подвергаются чрезмерному инвестированию, присутствует крайняя идеализация объекта, порой парализующая способность мыслить о субъекте. В случае аналитической ситуации, благодаря такому найденному вовне гаранту, субъект в состоянии выстраивать свою профессиональную и личную жизнь, вполне адаптивную. Но в случае потери такого фетишистского объекта субъектом овладевает ярость, вплоть до аутоагрессии и агрессии, направленной на оставивший его объект.

5. Клиника негатива, негативные процессы: говоря о клинике негатива, как и в случае с мышлением, авторы обеих концепций небредовых психозов отмечают важность негативных процессов, но в случае белого психоза клиника негатива является фундаментом этой психической структуры – белизна как пустота, как отсутствие, как ничто. Само мышление негативируется, негативная галлюцинация мысли стирает предшествующие и последующие репрезентации и мысли, функция репрезентаций блокируется.

В случае холодного психоза Кестемберг отмечает защитную ценность негативных процессов в рамках лечения пациентов и функционирования их предсознательного, отмечая, что отрицание свойственно для холодного психоза, порой иссушая психику субъекта.

6. Маркеры выявления небредовых психозов. В случае белого психоза на первичной консультации мы можем встретить следующие жалобы от пациентов: они не могут радоваться жизни; не могут профессионально развиваться, у них сложности в общении с людьми, депрессивные ощущения. С точки зрения специалиста мы можем увидеть в случае белого психоза у пациентов пустоту мыслей, ощущение пустоты в голове, неспособность ассоциировать, концентрироваться, размышлять, массивную работу расщепления, как в отношении субъекта, так и его объектов, что помогает субъекту убежать от плохо проработанных примитивных влечений, которые стараются прорваться в психику, подчинить себе Я. Такие субъекты могут иметь довольно высокий интеллект, но эта мыслительная деятельность отщеплена от аффектов и имеет своей целью бегство от влечений, но в конечном счете влечение приводит к белизне, к ощущению пустоты.

В случае холодного психоза могут иметь место жалобы на определенный объект, который оставил субъекта, с чем и связано его обращение к специалисту, различные соматизации. В процессе лечения мы можем встречать застывшую фантазию, которая, практически не изменяясь, преподносится в качестве дискурса на сессии, и не сразу проявляющиеся огромные, неисторические в смысле переноса, инвестиции, тревогу,

лежащую в их основе, и страдания, депрессивные ощущения. Мы можем столкнуться с ограниченностью фантазматических способностей: фактологическая информация на сессиях, фиксированных на актуальном, бедность внутриспсихического, плоская, малоассоциативная речь, слабая связь между прошлым и настоящим. В отличие от психоза, пациенты с холодным психозом более сохранены, они встречают объект во внешнем мире, могут завязать отношения, но сценарии разворачиваются по зафиксированным моделям. Отсутствие эмпатии и очень слабые способности идентификации с объектом и его желаниями, чувствами и потребностями.

Я предполагаю, что внешнее проявление такой внутренней конфигурации и составляет главную сложность указанных концепций, как и большинство нозографических единиц в психоанализе, белые и холодные психозы не имеют четких границ, представляя континуум с более или менее выраженными характеристиками. Я думаю, что тот момент, что теории выстраиваются на основании тех пациентов, которые обратились за помощью, уже говорит нам о дезорганизации защитной брони небредового психоза, в случае белого и холодного психоза мы можем столкнуться с депрессивной пустотой, о которой и будут говорить пациенты на сессии, порой даже не предполагая, с чем связана эта, в сущности, эссенциальная, депрессия. Но остается вопрос: смогли бы мы диагностировать небредовый психоз у человека, в психике которого этот симптоматический узор не имеет брешь? Помимо прочего, коварство данных концепций заключается в том, что слова довольно часто отщеплены от аффекта, вследствие чего дискурс этих пациентов может представлять собой вполне «невротическую» речь, предлагаемые специалисту симптомы также могут скрывать психотическое измерение их проблемы на протяжении длительного времени.

7. Защиты: в обеих концепциях речь идет о расщеплении Я, в одном случае на хорошее и плохое, в другом – на два уровня функционирования.

В случае белого психоза мы говорим, что нарциссизм субъекта попадает в тиски плохого объекта, Я расщепляется на хорошее и плохое, затрагивается сам процесс субъективации, присутствуют дезобъектализующая функция, атака на связи, паралич мышления; клиника негатива, идеализация, проективная идентификация.

В случае холодного психоза расщепление происходит в Я на два уровня функционирования; присутствует расщепление с инфантильной сексуальностью; фетишистские отношения также представляют защиту от объекта, живого, другого; фантазм амбисексуальности является защитой от эдипальной и кастрационной тревоги; присутствуют отнекивание и отрицание, всемогущество, могут быть соматизации.

Здесь я также считаю важным ввести рассуждение о тех защитных механизмах, о которых говорили авторы концепций. На мой взгляд, проблема заключается в том, что защиты также имеют свой континуум, в психике небредового психотика нет ничего того, что не представлено в психике невротического пациента, вся разница заключается в интенсивности этих защит, когда защита парадоксальным образом исполняет свою функцию сберечь психику, начиная ее стирание и разрушение. Мы можем

предполагать, что в случаях, описанных в этих книгах, мы встречаем гипертрофированность защит, парадоксальных защит, борющихся за психическое выживание субъекта, который по определенным причинам не может спастись в продуктивной симптоматике, что, безусловно, в каком-то смысле облегчило бы его страдания. Можно представить холодные и горячие психозы через метафору комнаты, в которую бросили дымовую шашку: в случае продуктивной симптоматики открывается окно, через которое осуществляется приток воздуха, циркуляция либидо, в случае же небредового психоза психика = комната не обладает таким окном, и в ситуации задымления, вызванного травматическими событиями, начинает уничтожаться кислород – репрезентации, мышление, объектные взаимодействия.

8. Отреагирование. В случае белого психоза, чтобы избежать психотической катастрофы, связанной с ужасом влечения к первичному объекту и путаницей между субъектом и объектом, с ребенком, погруженным в мать, или скорее матерью, погруженной в него, происходит обращение к акту, которое основано на отрицании отсутствия матери и расщеплении Я и призвано устранить любые ссылки на архаичное материнское имаго и кровосмесительные и убийственные фантазии. Жизненно важной необходимостью для субъекта является исключение любой фантазии и любого представления, относящихся к материнскому имаго, путем использования негативной галлюцинации. Если воспринимаемый внешний объект является источником психической опасности из-за символического уравнивания между этим внешним объектом и внутренним объектом, функция использования акта заключается в укреплении герметичности расщепления Я и устранении любого риска психотического взлома. Цена, которую приходится платить за этот способ защиты, велика, поскольку речь идет об устранении любой психической работы. Исключение объекта – это также исключение субъекта, который таким образом теряет способность к самовыражению (*Balier, 1996*)

При холодных психозах мы можем иметь дело с отреагированием через соматизацию: соматизация может быть понята как обращение к акту, осуществляемому через тело субъекта с целью избежать психотической катастрофы. Большое количество отреагирований, действий представляют способ коммуникации – ввиду того что фантазматическая жизнь крайне скудна, психике, чтобы справиться с превратностями жизни, требуется перевод в действие.

9. Депрессия: мы встречаем еще одно пересечение концепций белого и холодного психоза – депрессию, которую П. Марти обозначил как эссенциальную, пропитывающую все существование субъекта. Именно с депрессивными ощущениями, апатией, подавленностью, плохим настроением могут обращаться такие пациенты.

10. Перенос: в случае белого психоза мы будем, скорее всего, иметь дело с неинвестированием аналитика: пациент Z демонстрирует минимальную заинтересованность в рамках проведения интервью к фигуре аналитика и наблюдателей. Исходя из бедности репрезентативной жизни, из-за расщепления Я, дуальности «плохой и хороший» в отношении

родительских фигур, мы можем предположить, что перенос может быть проявлен как в «найденном» плохом объекте в лице аналитика, так и во все в отсутствии переноса в смысле наделения аналитика какими-то качествами первичного объекта; вполне вероятно, что негативная симптоматика и пустоты, выбеливающие ассоциативный процесс, разрывающие связь слова и аффекта, будут долгое время мешать установлению переноса из-за дезинвестирования объекта-аналитика. В случае холодного психоза Кестемберг говорит о сверхинвестировании аналитика. Инвестиции будто носят скорее защитный характер, они почти не связаны с переносом имаго, родительских фигур. Любые инвестиции, какими бы горячими или незначительными они ни были, не обязательно связаны с переносом. Это может быть просто грубым и неконтролируемым выражением количества и качества возбуждения с бедными образами. Объект, который представляет аналитик, не может быть точно очерчен в терминах дифференцированных имаго, а только в терминах объекта, который vitalен и необходим для конструирования Я пациента, но также и опасен вторжением в субъекта, подвергая опасности самость.

Таким образом, в обоих случаях мы говорим о сложностях в установлении переносных отношений, быть может, даже о невозможности в истинном смысле этого слова.

11. Контрперенос: благодаря контрпереносу специалисты могут распознать небредовый психоз, именно из-за вторжения в психику аналитика того, что вовсе ему не свойственно, вынужденности аналитика делать в рамках лечения то, что для него самого вызывает множество вопросов. Грин (*Green, 1980*) говорил о комплексе мертвой матери и той белой депрессии, которая может ощущаться лишь в контрпереносе, также и в рамках белого психоза мы можем говорить о потребности аналитика «оживить» пациента, заполнить пустоту, создать смыслы.

Авторы много внимания (порой кажется, что слишком много) уделяют их контрпереносу при работе с пациентом Z, который, казалось, бросал вызов аналитической теории и аналитической способности интервьюера. Тот факт, что пустота пациента вынуждала аналитика заполнять ее, задавать много вопросов, которые в конечном итоге свелись, по их словам, к добыванию «информации», а не ассоциативному процессу, может указывать на то контрпереносное чувство при столкновении с пустотой, от которого можно скрыться лишь благодаря сверхпродуцированию репрезентаций, смыслов, связей.

В случае же холодного психоза мы, кажется, наоборот, имеем дело с массивным инвестированием аналитика или объектов, представленных в дискурсе пациента, с застывшей фантазией, предлагаемой на сеансах. Кестемберг уделила много внимания контрпереносу при лечении психотических пациентов: сложность понимания особенностей его именно в холодном психозе заключается в той неочерченности контрпереноса в ее трудах при работе с такими пациентами, про которую мы скорее додумываем, чем читаем в статье. Она отмечает, что массивные инвестиции в аналитика могут создать для аналитика ситуацию ощущения опасности для целостности своей психики, своей способности к мышлению,

ассоциированию, нарциссизма, вследствие чего аналитик может стремиться редуцировать такого пациента до понятного теоретического концепта или понятного с точки зрения своего невротического слушания, что неизбежно приведет к усугублению у пациента ощущения непонимания и неслышанности.

12. Технические рекомендации: в книге о белых психозах авторы говорят, что аналитику следует стремиться предоставить пациенту пространство потенциального, пространство отсутствия, не пространство «это ничего не значит» или «это значит, что», а пространство «это могло бы значить»; работа должна строиться как на создании контейнера для содержания пациента, так и на создании содержания для контейнера. Речь идет не о раскрытии бессознательного, но о создании языка мысли в режиме конструкции (*Donnet, Green, 2004, p. 212*), поэтому аналитику необходимо как слушать, что говорится, так и думать так, как мог бы подумать пациент с белым психозом, если бы не был таковым; ему нужно ввести намеренно функцию непонимания, которая, как правило, обеспечивается самим кадром его слушания. Ему нужно войти в контакт со своей собственной способностью неправильного суждения, испытывать негативные галлюцинации.

В случае же холодного психоза Кестемберг говорит о материнском сопровождении, приручении. Такой этап позволяет установить препереносное отношение, в котором могут появляться образы, зарождающееся имago, благодаря такому этапу, в счастливых случаях, можно войти в истинный переносный процесс с пациентом. Кестемберг отмечает важность третьего при лечении пациентов с холодным психозом, что позволяет использовать латеральные инвестиции в этого третьего для снижения тревоги пациента вокруг его объектов, что является необходимым шагом для возобновления движений влечений и конфликтуализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Фрейд З.* О введении понятия «нарциссизм» // Психология бессознательного, 2006. С. 39–73.
2. *Abensour L.* (1999). Evelyne Kestemberg. Presses Universitaires de France
Kestemberg É. (2001). La psychose froide. Presses Universitaires de France.
3. *Balier C.* (1996). Psychanalyse des comportements sexuels violents, Paris, Puf, 260 p.
4. *Donnet J. L., Green A.* (1973). L'enfant de ça : Psychanalyse d'un entretien: la psychose blanche / Jean-Luc Donnet, André Green. Paris :Éd. de Minuit, 2004. 350.
5. *Green A.* (1980). « La mère morte », in Narcissisme de vie, narcissisme de mort, Paris, Minuit.
6. *Kestemberg É.* (1958). Quelques considérations à propos de la fin du traitement des malades à structure psychotique // Revue française de psychanalyse. 1958. T. 22. №. 3. P. 297–341.

7. *Kestemberg É.* (2001). Note sur le traitement des états psychotiques. Dans: *É. Kestemberg, La psychose froide* (pp. 55–62). Paris cedex 14: Presses Universitaires de France.
8. *Kestemberg É.* (2001). La relation fétichique à l'objet. Dans: *É. Kestemberg, La psychose froide* (pp. 77–101). Paris cedex 14: Presses Universitaires de France.
9. *Kestemberg É.* (2001). Du «mésusage de la bisexualité». Dans: *É. Kestemberg, La psychose froide* (pp. 63–75). Paris cedex 14: Presses Universitaires de France.
10. *Kestemberg É.* (2001). Le personnage tiers. Sa nature – sa fonction. Dans: *É. Kestemberg, La psychose froide* (pp. 145–177). Paris cedex 14: Presses Universitaires de France.
11. *Kestemberg É.* (2001). Négation, déni, psychose. Dans: *É. Kestemberg, La psychose froide* (pp. 117–144). Paris cedex 14: Presses Universitaires de France.
12. *Kestemberg É.* (2001). Remarques sur le contre-transfert dans le traitement de malades psychotiques. Dans: *É. Kestemberg, La psychose froide* (pp. 201–214). Paris cedex 14: Presses Universitaires de France.
13. *Kestemberg É.* (2001). «L'appareil psychique» et les organisations psychiques diverses. Dans: *É. Kestemberg, La psychose froide* (pp. 179–199). Paris cedex 14: Presses Universitaires de France.
14. *Kestemberg É.* (2001). De la «phobie du fonctionnement mental». Dans: *É. Kestemberg, La psychose froide* (pp. 215–221). Paris cedex 14: Presses Universitaires de France.
15. *Vermorel Henri et Madeleine.* Transfert paradoxal et relation d'objet fétichique// *Psychanalyse et psychose*. 2003. N 3. P. 107–118.

The concept of cold psychosis. Comparative analysis of white and cold psychosis

A. S. Blagova

Blagova Anna S., Master of Psychology (HSE), psychoanalytically oriented psychologist.

Cold psychosis is a concept created by E. and J. Kestemberg, which belongs to the register of non-delusional psychoses.

This article will present the characteristics of cold psychosis, which have been developed by E. Kestemberg for twenty years.

Also, here is an attempt to carry out a comparative analysis of two concepts based on the work "La psychose froide" by E. Kestemberg and "L'Enfant de ça. Psychanalyse d'un entretien: la psychose blanche" by A. Green and J.-L. Donnet.

Keywords: cold psychosis, ambisexuality, Self, fetishistic attitude to the object, phobia of mental functioning, non-delusional psychosis.